

Гу Бай лишь равнодушно произнёс:

— Ага, — словно это его никак не касалось.

Визит в старый дом семьи Чу не был заранее обговорён с ним. Связь между домами Гу и Чу держалась исключительно на нём, и никаких других контактов между ними не было.

Дом Гу стремился к сотрудничеству с домом Чу в деловой сфере, но последние, похоже, не проявляли интереса. Поэтому их отношения оставались лишь формальным браком по расчёту.

Гу Бай совершенно не хотел вмешиваться в это. Он просто хотел жить своей жизнью и надеялся, что семья Гу оставит его в покое.

— Ага? — спросил Чу Цзэшэнь. — Может, нам стоит нанести ответный визит в дом Гу?

Гу Бай наконец поднял на него взгляд:

— Сейчас?

Чу Цзэшэнь, казалось, был развеселен его реакцией:

— Да, сейчас.

Неохотно поднявшись с деревянной кушетки, Гу Бай пробормотал:

— Пошли.

Но Чу Цзэшэнь лёгким движением вернул его обратно:

— Шучу. Я отказался под предлогом поминальных обрядов и отправил подарки в дом Гу.

Гу Бай лишь бросил на него сердитый взгляд и отвернулся.

Такое выражение лица редко появлялось у него, и Чу Цзэшэнь с удовольствием принял этот взгляд.

— Хочешь фруктовый чай? На Праздник середины осени у нас много фруктов, и дворецкий каждый год готовит из них чай.

Гу Бай слегка повернул голову, словно делая заказ:

— С полным сахаром, пожалуйста.

Чу Цзэшэнь без возражений принял роль официанта:

— Пожалуйста.

Этот «официант» оказался весьма усердным. Он не только принёс фруктовый чай, но и прихватил несколько томов манги.

Зона отдыха Гу Бая переместилась с дивана в его комнате на деревянную кушетку в гостиной, а Чу Цзэшэнь устроился рядом, листая первый том.

Тем временем старейшина Чу в переднем дворе пил чай с гостем, который вдруг спросил:

— Старейшина Чу, а где же Цзэшэнь? Он ещё не вернулся?

Старейшина Чу взглянул в сторону дома и с улыбкой ответил:

— Я попросил его составить компанию ребёнку внутри.

Когда наступило время ужина, Гу Бай и Чу Цзэшэнь стояли, ожидая, пока старейшина Чу займёт своё место. Только после этого они сели сами.

Старейшина Чу похлопал Гу Бая по плечу:

— В этом году крабы особенно жирные, ешь побольше.

Гу Бай кивнул:

— Дедушка, и вы тоже ешьте.

Хотя крабы были вкусными, их было неудобно есть. Раньше Гу Бай всегда ел их с чьей-то помощью, чтобы мясо было аккуратно извлечено.

Дом Чу сегодня устраивал семейный ужин, поэтому посторонних не было, только они трое.

Гу Бай положил одного краба на тарелку и больше не притрагивался к нему.

Настроение старейшины Чу, восстановившееся за день, было прекрасным. Он приказал открыть бутылку красного вина и за ужином вёл непринуждённые беседы, не замечая, что Гу Бай не трогает краба.

Гу Бай положил кусок говядины в свою тарелку, и вдруг в ней появился очищенный клешня.

Гу Бай взглянул на Чу Цзэшэнь и в ответ налил ему полстакана вина.

С помощью Чу Цзэшэня Гу Бай съел целого краба и даже почувствовал лёгкое сожаление, что его мало.

Старейшина Чу наблюдал, как его внук чистит краба, и с гордостью отметил, что манера его напоминала его собственную в молодости. В их семье всегда умели заботиться о других.

Сам старейшина Чу когда-то завоевал сердце своей возлюбленной, мастерски очищая крабов.

Гу Бай не стал жадничать, съев двух крабов, он остановил Чу Цзэшэня и положил в его тарелку клешню, которую с трудом очистил сам.

— Ты ешь, мне хватит.

Чу Цзэшэнь не заметил, как Гу Бай чистил краба, и был приятно удивлён, получив его.

Он знал, что Гу Бай, будучи третьим молодым господином в доме Гу, привык к тому, что за него всё делают. Неожиданно получить от него очищенного краба было необычно.

Чу Цзэшэнь сдержал улыбку, глядя на клешню:

— Спасибо.

После ужина дворецкий сообщил, что луна сегодня особенно яркая и круглая.

Их вечерним занятием стало любование луной в переднем дворе.

Дворецкий подготовил четыре стула, включая даже стул для Мокки, а также специальное лунное печенье для питомца.

Семья из трёх человек превратилась в четверых, уютно расположившихся на стульях.

Старейшина Чу, наслаждаясь семейной идиллией, с удовлетворением откинулся на спинку стула.

— Через пару дней у старого Се Гуаньчана будет восьмидесятидвухлетие. Вам не нужно готовить подарки, я уже подготовил от имени нашей семьи.

Чу Цзэшэнь, который уже заказал подарок, кивнул:

— Хорошо.

Старейшина Чу посмотрел на Гу Бая:

— Сяо Бай, наши семьи дружат с давних времён, поэтому на этот банкет ты пойдёшь с нами.

Он знал, что Гу Бай не любит светские мероприятия, предпочитая оставаться в одиночестве, как и его супруг. Все, кто занимается литературой в их семье, такие.

Но на этот раз их присутствие было необходимо, и пора было объявить, что Гу Бай теперь часть семьи Чу.

Он был очень доволен Гу Баем и хотел, чтобы старики позавидовали. У кого ещё был такой послушный ребёнок, как у них?

Гу Бай не стал размышлять об этом, понимая, что пора объявить о браке между семьями Чу и Гу, иначе подписанное им соглашение не имело бы смысла.

Раз уж он подписал его, то должен его выполнять.

— Хорошо, дедушка, в тот день я буду сопровождать Цзэшэнь.

*

Чу Цзэшэнь заранее подготовил для Гу Бая костюм. Когда специалисты пришли снимать мерки, он не понял, зачем это нужно, но, услышав, что это инициатива Чу Цзэшэня, не стал возражать и спокойно позволил себя измерить.

Банкет по случаю дня рождения должен был состояться вечером, но уже днём прибыли профессионалы с подарками и командой, чтобы сделать Гу Баю стильный образ.

В их кругу такие мероприятия были похожи на красную дорожку для знаменитостей. Приглашённые тщательно готовились, представляя не только себя, но и свои семьи.

Сидя в кресле, пока над ним колдовали, Гу Бай словно вернулся в прошлую жизнь, где он, будучи главой дома Гу, вынужден был посещать бесконечные банкеты. Каждый месяц кто-то из глав семейств праздновал день рождения, и это повторялось с завидной регулярностью.

Гу Бай не любил, когда ему что-то наносили на лицо, и с недовольством смотрел на пудру в руках стилиста:

— Мне это не нравится.

Чу Цзэшэнь, войдя, услышал его слова и подошёл, чтобы успокоить:

— Если не нравится, не надо.

Гу Бай уступил:

— Можно сделать причёску.

Стилист взял спрей для волос, и Гу Бай откинулся на спинку стула, закрыв глаза.

— Успокоил Мокку?

Чу Цзэшэнь сел рядом, а стилист ловко приступил к его причёске.

— Сейчас успокоила, но не знаю, как будет, когда мы уйдём.

Разговор о Мокке расслабил Гу Бая.

— Наверняка будет капризничать.

Чу Цзэшэнь с улыбкой посмотрел на него:

— А ты отправил меня успокаивать её?

Гу Бай открыл глаза и через зеркало встретился с его взглядом:

— Ты будешь строгим, а я добрым. Когда вернёмся, принесёшь ей угощение, и она быстро успокоится.

Он хорошо знал своего питомца.

— Почему я должен быть строгим, а ты добрым? А если Мокка обидится? — спросил Чу Цзэшэнь.

Гу Бай улыбнулся:

— В доме должен быть кто-то, кто её дисциплинирует, иначе она совсем распустится. А если обидится, пара стейков её успокоят.

Стилист за его спиной не сдержал смешка:

— С детьми так и бывает. Родители должны распределить роли, чтобы ребёнок слушался. Если заплачет, достаточно купить угощение, и всё пройдет.

Другой человек добавил:

— Сестра Сюй, у господина Чу нет детей, Мокка — это собака.

Сестра Сюй смутилась. Она думала, что Чу Цзэшэнь успокаивал ребёнка, а оказалось, что это собака. Когда она пришла, то не увидела детей, только собаку, лежащую на диване.

— Питомцы тоже как дети, — поспешно сказала она. — Для кого-то собака — это любимчик.

Чу Цзэшэнь не стал спорить:

— Нашей Мокке полтора года, она в том возрасте, когда дети шалят.

И тут, неизвестно как, Гу Бай услышал, как Чу Цзэшэнь и стилист заговорили о воспитании детей.

Оказалось, что у владельцев собак и родителей есть общие темы для разговоров.

<http://bllate.org/book/15495/1374480>